

ЗАЧЕМ НУЖНО МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ

— Зачем нужно монашество и монастыри? Сказано: *«идите, научите все народы»*, а монахи не идут. Многие хотят от Бога чуда и только чуда, а монахи не пресекают этого язычества. Почему?

О. Георгий Конетков: Монахи, а потом монастыри возникли в церкви совершенно естественно. Как известно, монашество было духовным движением с пророческим, профетическим и глубоким молитвенным настроем. Оно, особенно в первые века своего существования, было такой прививкой в теле церкви, которая позволяла ей не обмирщаться, оно замедлило и смягчило процессы секуляризации, обмирщения, которые неизбежно пошли в церкви после начала константиновского периода её истории, т.е. после того, как церковь и государство пришли к определённой согласию, к определённой «симфонии», как позже стали говорить идеологи этого процесса. Монахи, действительно, ощущали свою личную ответственность за церковь и ощущали личную ответственность за всё то, что в церкви существует. Они хотели, чтобы их праведность «превозмогла праведность книжников и фарисеев». В Евангелии говорится не только «идите, научите все народы», в Евангелии говорится обо многих вещах, и не только в Евангелии, вообще во всём Священном Писании. Говорится: «непрестанно молитесь», «бодрствуйте и трезвитесь», говорится о различении духов, говорится о терпении, послушании, смирении и целомудрии. И вот в этом смысле монашество дало очень много. К слову говоря, в истории, особенно в истории христианской, в том числе и православной, миссии далеко не последнюю роль играло монашество. Даже на Руси первыми миссионерами были выходцы из Киево-Печерского монастыря. Кто у нас миссионерствовал за тысячуелетия? Посмотрите, проанализируйте. Очень часто это будут именно монахи. А если и не монахи, то все же люди, которые тоже вели нередко иноческую жизнь.

Конечно, в наше время значение монастырей и монашества начинает меняться — это неизбежно. Во-первых, нет уже старых пустынь, нет тех условий, в которых монашество естественно развивалось, во-вторых, задачи перед церковью стоят несколько новые и иные. Действительно, сейчас важнее проповедовать. Да, это можно делать и в монастыре, но не всегда и не в любом. Да и далеко не все люди, которые должны услышать слово Божье, могут прийти в какой бы то ни было монастырь. Нам же надо думать и о тех людях, которые живут совсем в другой плоскости современной жизни. Но все же мы не можем забыть заслуг исторического монашества перед церковью и не хотим забывать те положительные откровения, которые были даны церкви через монашество и которые актуальны до сих пор, как и такие хорошие иноческие монашеские свойства как стояние в вере, мужество, личная ответственность, которая не перекладывается ни на кого. Очень важно помнить и то, что если монашество — это не обязательно то, что должно быть идеалом всех христиан, то иночество — это обязательное свойство христианской жизни, потому что иноком христианин должен быть, даже если он не живёт в монастыре, если он имеет семью, детей и т.д. Конечно, отвлекаясь на свои семейные проблемы, человек не всегда может исполнить своё предназначение. Семья в каком-то смысле отвлекает человека от

Ответы на вопросы открытых встреч

Преп. Мария Египетская.
Икона матери Марии (Скобцовой)

служения Богу. Но она же может быть и хорошей школой, хорошим училищем для того, чтобы знать, как люди живут в этом мире — знать не понаслышке, не на расстоянии. Все кризисные явления современного мира проходят через современные семьи, и человек, живущий в семье, часто познаёт жизнь — пусть и на своих ошибках, и на ошибках своих близких — очень непосредственно, в полную силу и в полном объёме.

Современные люди должны думать об иночестве, о том, как его реализовать. Но без учёта опыта монашества невозможно осуществить современное иночество. И нам нужно быть благодарными монашеству, ценить подвиг людей, как и все усилия, которые прилагаются людьми ради Господа — в том числе усилия самоотвержения, будь то способность отвергнуть удовольствия и богатства этого мира и даже семейную жизнь, отвернуть свою волю, свою выгоду. Это вещи, и в наше время отнюдь не потерявшие своё значение. Да, монашество должно научиться служить в этом мире, научиться открываться, научиться закрывать те пороки, проблемы в церковной жизни, какие сейчас есть. Должно учиться оно и проповедовать, миссионерствовать, быть открытым не только к своим собственным проблемам, но и ко всем проблемам людей нашего времени, нашего мира. Монашество может дать всем нам прививку мужества и ответственности, но оно должно преодолеть свой индивидуализм, честолюбие, алчность, карьеризм и некоторое самоничие, которое прокралось во многие души и через смирение (которое в этом случае можно было бы назвать лжесмирением, тем «смирением паче гордости», о котором говорится в известной

русской пословице). Да, в ряде случаев с этим сегодня приходится сталкиваться, я уж не говорю про другие, более грубые, нарушения христианской этики и принципов жизни во многих монастырях. Но ни один человек на земле не может быть назван безгрешным. Мы исповедуем, что один Христос вне греха, и об этом нельзя забывать, когда мы говорим о грехах и недостатках других людей.

— Говорится, что тот, кто имеет, тому будет дано и приумножится. Не совсем понятно, о чём здесь говорится.

О. Георгий: Если человек имеет в себе веру, надежду, любовь, свободу, свет, дух, жизнь, которые от Бога, то он получит ещё, ещё и ещё. А если человек этого не имеет, то у него отнимется и то, что он имеет просто в силу своей человеческой культуры, в силу своих человеческих способностей и т.д. и т.д., в силу своих человеческих трудов и заслуг. Вот это очень важно понимать, потому что очень многие считают, что человеку достаточно обрести лишь такого рода заслуги и качества, а ничего другого больше и не требуется. Но Евангелие это резко отторгает, потому что не вообще всё доброе и хорошее важно для Бога — для Бога важно то, что соответствует тому движению, как бы тому вектору, который Господь устанавливает в этом мире, в том числе и в судьбе каждого человека. Надо уметь выбирать то, что по воле Божьей, т.е. выбирать между добром и добром, а не только между добром и злом, как это было, скажем, в Ветхом завете. В Новом завете самое трудное как раз именно это — умение знать приоритеты, главные вещи, а не вообще делать некое добро, творить что-то по справедливости. Вот это то, что многие современные люди не чувствуют, не понимают, и поэтому говорят: ну у всех же есть что-то доброе. Да, это так, действительно, у всех есть что-то доброе. Но базирясь на этом, многие делают неправильные выводы, что коли у всех есть что-то доброе, значит, все одинаково спасаются, значит, все служат за Богом. К сожалению, надо сказать, что это не так. Потому что можно делать доброе и это не будет добром для Бога. Помните известные слова из записной книжки Гоголя: «Грусть от того, что не видишь добра в добре?» И вот такого рода добра, в котором добра нет, мы в своей жизни, к сожалению, видим очень много.

— Сказано: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас». В чём этот покой?

О. Георгий: Покой — это мир. Даруя нам любовь, Христос дарует нам мир, даруя нам свободу и силу духа, дарует нам примирение. Христос — Примиритель не только между теми людьми, которые исторически по разным причинам противостояли друг другу, между народами, между социальными классами, людьми разных культурных сред и т.д., но прежде всего Примиритель сердец человеческих, потому что только любовь переплавляет все перегородки, разделяющие людей, только любовь способна преодолеть все грехи, которые являются корнем разделений. Поэтому именно Он может сказать: придите ко Мне, и Я упокою вас, — т.е. дам вам покой и мир, — и вы найдёте покой душам вашим, покой в жизни своей, мир в сердце. Для современного человека найти внутренний мир — это редкая счастливая возможность, за которую, я уверен, многие бы современные люди могли отдать очень много. Не правда ли?

Высоцкий

(к юбилею)

«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — всё суета!» (Екк 1:2)
«Я иду и скажу, что не всё суета» (Высоцкий)

Сразу несколько человек попросили написать о Высоцком. О том, что любил, подчас говорить сложнее, чем о том, к чему относиться нейтрально или плохо. Не взыщите.

Высоцкий принадлежал к тем, о ком сказано: «Поэт в России — больше чем поэт». У Даниила Андреева это емко сформулировано в статье «Дар вестничества». И Высоцкий-поэт был как раз вестником. Вестником чего? Голос, стихи, музыка — это дары человека, посланного прежде всего пробудить и вторюшить.

Бей же, звонарь, разбуди полусонных!
Предупреди беззаботных влюбленных,
Что хорошо будет в мире сожжённом
Лишь мертвцам и ещё нарождающим!

Поэтому если бы меня спросили, какая песня лучше всего отражает то, «о чем поет Высоцкий» (была глупая статья с таким названием в советское время...), я бы выбрал «Парус». «Это просто о нашей причастности и ответственности за все, что происходит в этом мире...» (Написал и подумал: как могут ошибаться умнейшие люди! Бродский считал Высоцкого «большим поэтом» с «абсолютным языковым чутьем», но полагал что

Высоцкий... напрасно стал петь под гитару: она, дескать, мешает воспринимать поэзию)

Пел бы ясно я тогда, про луга и дали,
Пел бы про красивое, приятное для всех,
Все б со мной здоровкались, все бы мне прощали,
Но не дал Бог голоса, — нету, как на грех!

Но запеть-то хочется, лишь бы не мешали,
Хоть бы раз — про главное, хоть бы раз про ГО!
И кричал со вздохом я — люди не дышали,
И никто не морщился, право же, никто!

Хотя ведь Высоцкий писал по-разному. Одни вещи сделаны специально для «голос + гитара» (все наиболее известное — «Охота на волков», «Купола», «Погоня» и другие вещи), но многие другие — стихи в чистом виде («Мой Гамлет», «Тусовщики», «Памятник», «Палач»). Всего же песен и стихов — около 800.

Когда началась перестройка, на пластинках стали выпускать не только песни военные и шуточные (они выходили и при СССР — кошмарные «сорокапятки», в начале XXI века реанимированные музканалами), но и песни эскиплативного политические («Ошибка вышла», «Побег на рынок», «Банька по-белому»). Но вот интересно: оглядываясь на творчество В.С. сейчас, понимаешь, что эти, казалось бы, относительно невинные вещи ничуть не менее важны, ибо они — не только свидетельство о времени, не только портрет эпохи, но и затрагивают непреходящие нравственные проблемы.

Вот военная тема... Она чрезвычайно важна и сама по себе. (В.С. шкурой и сердцем переживал Великую Отечественную, как если бы она прошла только вчера. Любимой своей песней назвал «Вставай, страна огром-

ная», а когда задавший вопрос юноша заметил ему, что это странно, ответил: «Сынюк! Когда у тебя мороз по коже пойдет от этой песни, ты поймешь, что я прав») Но вместе с тем, В.С. всегда открыто говорил, что это не «внеси-ретроспекции, а песни-ассоциации», то есть не столько о том времени, сколько о нашем («о людях, у которых что-то сломалось, либо доведенных до отчаяния... короле, тех, которые нервночают и беспokoются, а не тех, которые жуют или отдышуют»). Программной песней, почти всегда исполнявшейся на концертах, была «Тот, который не стрелял». (Послушаем ее сегодня в память, а?) Это о солдате, на которого особит написал донос: его приговорили к расстрелу, и весь взвод его товарищей (никого лично против него не имея) выполнил этот приказ, — но солдат выжил, потому что «был один, который не стрелял».

Интересен в этом смысле ответ Высоцкого на вопрос, какой человеческий недостаток он считает непростительным (интервью Пятницкому ТВ). Ответ: «Отсутствие позиции, которое ведет за собой очень много других пороков. Отсутствие второй позиции у человека, когда он не имеет своего мнения или не может рассудить о предмете, о людях, о смысле жизни — да о чем угодно! — сам, самостоятельно. Когда он либо повторяет то, что ему когда-то понравилось, чему его научили, либо неспособен к самостоятельному мышлению». А в одной песне у Высоцкого получается даже так, что виноваты не сами люди, авторитету которых бездумно следуют, а те люди, которые это поощряют:

Пусть жираф и был неправ.

Продолжение на с. 2

Высоцкий

Продолжение. Начало на с. 1

Но виновен — не жираф!
А тот, кто крикнул из ветвей:

«Жираф большой, ему видней» :-)

(Ну, эту песенку все знают.) Хотя даже попугай в другой песне оказался совсем не попугаем, а самостоятельной личностью. И не только попугай, но и даже микрофон, который не стал повторять «слабую потоку» певца. (Для самого микрофона это, естественно, кончилось плохо: «Нас всегда заменяют другими, чтобы мы не мешали братьям».) Интересно, что призыв самого поэта — не перенимать бездумно и у него самого позицию, взгляды, а думать и действовать самому:

Эй, вы! Задние! Делай как я!
Это значит: не надо за мной!
Колея эта — только моя.
Выбирайтесь своей колеей.

...В последние годы жизни стихи В.С. охвачены все большим разочарованием в возможности что-то изменить и даже на что-то повлиять.

Да я осилить мог бы тонны груза!

Но, видимо, не стоило таскать —
Мою страну, как тот дырявый кузов,
Везет шофер, которому плевать.

(Конкретный образ взят из реального случая: В.С. дотнал на своей машине грузовик, из которого высыпался цемент, предупредил водителя, но тот ответил: «А мне-то что? Мне — по х...»).

Гусь истек и иссяк —
Тот, который сбивал весь косяк.

Высоцкий был очень честным в стихах. Он никогда не ставил себя НАД читателями, никогда не говорил как поучающий — новичкам. «Я не люблю себя, когда я трушу»...

Дурацкий сон, как кистенем,
Избил нещадно,
Невнятно выглядел я в нем
И неприглядно.

Во сне я лгал и предавал,
И льстил легко я...
А я и не подозревал в себе такое
«...»

Сон — отражение мыслей дня?

Нет, быть не может!

Но вспомню — и всего меня
Перекоржит.

А после скажут: «Он вполне
Всё знал и ведал!»

Мне будет мерзко, как во сне,
В котором предал.

Или — в костер?... Вдруг нет во мне
Шагнуть к костру сил!

Мне будет стыдно как во сне,
В котором струсил

Но скажут мне: «Пой в унисон!

Жми, что есть духи!»

И я пойму: вот это сон,
Который в руку»

Эта вещь была написана летом 1971-го. Сейчас можно сказать, что этот выбор Высоцкий сделал и это искушение прошел.

Глеб ЯСТРЕБОВ

ВЕЧНЫЙ ПОСТ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА

Несчастная жизнь! она до смерти
любит поэта...

17 февраля исполняется 20 лет с того дня, когда не стало Александра Башлачева. Его стихи и голос в середине 80-х для многих стали струей свежего воздуха, нарушившего затхлый дух эпохи. Он запел — может быть, неожиданно для себя самого, его творческий путь оказался слишком коротким. Он был из тех, кто пришел и ушел быстро, но оставил много.

Но сегодня, вспоминая Башлачева, не хочется выяснять, из-за чего он шагнул в окно и сделал ли он это самостоятельно. Говоря его же словами:

...Ведь тебя поселил, чтоб ты пригодился.

И совсем не важно, от чего помереть.

Ведь куда важнее, для чего родился.

В интервью весной 1986 года он сам о себе говорил так: «Я хочу связать новое содержание, ветер перемен, ветер сегодняшних, завтрашних, вчерашних дней... Собственно, это один ветер. И одно поле. И на этом поле я бы хотел найти свою борозду, бросить туда зерно своего представления о тех или иных вещах, происходящих вокруг меня. И чтоб зерно дало росток». Мы можем сказать теперь, что свою борозду он нашел и прошел по ней так, что его песни поют до сих пор, а брошенное им зерно дало жизнь ростку, который продолжает приносить плоды в творчестве многих музыкантов — как его сверстников, так и людей уже следующего поколения — тех, кому дорого слово, кто ищет свою борозду, своей путь к Богу и человеку. Творчество Башлачева во многом выросло на народной почве, впитало народную мудрость, а его особое чувство языка позволяло ему находить новые обороты в хорошо известных пословицах и поговорках. При этом он остро чувствовал тот самый ветер своего времени, своей эпохи. В это в целом «неопапиротическое» время, он ищет каких-то очень личных, почти трепетных отношений с Россией-Русью: «...не разберусь, где Русь, где греть...», «я не знал, как любить Россию, а куда ж она без меня?»

Он не строил иллюзий относительно воздействия своего творчества на слушателей, он пел потому, что не мог не петь. Его голос был резким, на контрахтах — полуделегальных или вовсе нелегальных — он сбивал пальцы в кровь. Но его слушали, потому что он до конца оставался честен — а это редкое качество. Его принцип — «душой не кривить перед каждой ямой» — для многих оставался своего рода «категорическим императивом», однозначно притягательным и неисполнимым. Из того же интервью: «Ты обязан говорить так, чтобы тебя поняли те, на кого ты собираешься повлиять. Ты обязан делать так, чтобы поняли тебя и поняли твою любовь. Ты должен заразить своей любовью людей, дать понять людям, плохим людям, что они тоже хорошие, только еще не знают об этом. Я говорю о себе, потому что я очень люблю жизнь, люблю страну, в которой живу, и не мыслю себе жизни без нее и без тех людей, которых я просто вижу... Едва ли я смогу изменить их своими песнями, я отдаю себе в этом отчет. Но ничего не проходит бесследно. И пусть это будет капля в море, но это будет моя капля именно в море. То есть я ее не выпью сам. Если я брошу свое зерно, и оно даст всходы, и будет не одно зерно, а — сколько там в колосе зерен, десять, или тридцать, или пятьдесят — я считаю, что прожил не зря». Он верил в человека, старался разглядеть, «омыть» человеческое лицо. Его отношение к человеку — от дерзкого до трепетно-нежного — это тоже попытка взглянуть в это лицо, увидеть «за ликом — лик», обрести спасение «как бы через огонь». Он шел к вере в Бога, только вот путь, наверное, выбрал окольный, долгий. Его жизнь стала для него вечным постом, до Воскресения он дойти не успел...
*Отпусти мне грехи! Я не помню молитв,
Но, если хочешь — стихами грехи замолю.
Объясни — я люблю оттого, что болит,
Или это болит оттого, что болит.*

Любовь для него была камертоном, никакой фальши он не переносил. Поэтому довольно жестко оценивал окружающую его реальность, в том числе и творческой сфере. «Плодов никаких, три-четыре имени, может быть, пять-шесть... Почему? Потому что люди не задают себе вопроса — «зачем?», люди задают себе вопрос — «как?». Да как угодно, в любых формах! Но они постоянно

уходят от вопроса «зачем?». ...Я подхожу к музыке безусловно с точки зрения литературной, с точки зрения идеи, цели, прежде всего. И, вероятно, я все-таки отвечаю себе на вопрос «зачем?». Это главный вопрос. А на вопрос «как?» можно отвечать без конца... Каждую песню надо оправдать жизнью. Каждую песню надо обязательно прожить. Если ты поешь о своем отношении к любви, так ты люби, не ври. Если поешь о своем отношении к обществу, так ты так и живи. А все остальное — спекуляция».

Он жил, как пел — на одном дыхании. Ему, как и многим другим, оказалось трудно найти себе место в изменившемся мире, когда перестали запрещать то, за что раньше сажали, и когда стало постепенно уходить то, против чего протестовали. И он чувствовал, что его время, как и его песни, — не универсальны, что он всеми своими корнями не только в этой стране, этой культуре, но и в этом времени. А это значит, что и его время пройдет. Возможно, сейчас его песни звучат не столь остро, но сам факт того, что это рано или поздно случится, его не смущал.

Я хочу дожить, хочу увидеть время

Когда эти песни станут не нужны.

Эх, да я не доживу, но я увижу время

Когда эти песни станут не нужны.

Башлачев успел сказать то, что так хотелось услышать его время и что так необходимо было услышать... И, как поэт, он это время перешагнул, превзошел, где-то — опередил. Те простые истины, о которых он пел, остаются важными — «звеньями» — и для нас. Насколько простыми?..
*Тут дело простое — нет тех, кто не стоит,
Нет тех, кто не стоит любви...*

Тесто

Когда злая стужа снедужила душу

И люта метель отместилела тело,

Когда опустела казна,

И сыны зананку, и пах нарапашку —

Да дыши во весь дух и тyani там,

где тяжко —

Ворвется в затяжку весна.

Зима жмет земное. Все вести — весною.

Секундой по векам, по пыльным сусекам

Хмельной ветер верной любви.

Тут дело не ново — словить это Слово

Ты снова, и снова, и снова лови.

Тут дело простое — нет тех, кто не стоит,

Нет тех, кто не стоит любви.

Да как же любить их — таких неумытых,

Да бытом пробитых, да потом пропитых?

Да ладно там — друга, начальство, коллегу,

Ну ладно, случайно утешить калеку,

Дать всем, кто рискнул попросить.

А как всю округу — чужих, неизвестных,

Да так — как подругу, как дочь, как невесту?

Да как же, позволяйте спросить?

Тут дело простое — найти себе место

Повыше, покуче. Пролить темну тучу

До капли прозую — горячей слезою —

Глянь, небо какое!

Пречистой рукою сорвать с неба звезды

Смолоть их мукою

И тесто для всех замесить.

А дальше — известно. Меси свое тесто

Да неси свое тесто на злобное место —

Пускай подрастет на вожжах.

Сухими дровами — своими словами

Своими словами держи в печке пламя,

Да дракой, да поркой — чтоб мякиш

стал коркой,

Краюхой на острых ножах.

И вот когда с пылу, и вот когда с жару —

Да где брал он силы, когда убежал он?! —

По торной дороге и малой тропинке

Раскатится крик Колобка

На самом краю овражины — оврага

У самого гроба казенной утробы

Как пара парного, горячего слова

Гляди, не гляди — не заметите оба —

Подхватит любовь и успеет во благо

Во благо любовь в облака.

Но все впереди, а пока еще рано,

И сердце в груди не нашло свою рану,

Чтоб в исповеди быть с любовью на равных

И дар русской речи беречь.

Так значит жить и любить это Слово упрямо,

Душой не кривить перед каждой ямой,

И гнать себя дальше — все прямо да прямо
Да прямо — в великую печь!

Да что тебе стужа — гони свою душу

Туда, где все окна не внутри, а наружу.

Пусть вранья пройдет метлею по телу —

Посмотрим, чего в рукава налетело.

Чего только не занесло!

Да не спрячешь души беспокойное шило.

Так живи — не тужи, да тyani свою жилу,

Туда, где пирог только с жару и с пылу,

Где каждому, каждому станет светло...

Сядем рядом...

Сядем рядом, ляжем ближе

Да прижмемся彼此 к запятам

к дрявяному мешку.

Строгим ладом. Тише, тише.

Мы переберем все струны да по зернышку.

Перегулом, перебором.

Да я за разговорами не разберусь,

Где Русь, где грусть.

Нас забудут — да не скоро.

А когда забудут, я опять вернусь.

Будет время, я напомню,

Как все было скроено,

да все опять перекрою.

Только верь мне, только пой мне,

Только пой мне, милая — я подпою.

Нить, как волос

Жить, как колос

Размолотит колос в дух и прах

один цепной удар

Да я все знаю, дай мне голос,

И я любой удар приму,

как твой великий дар.

Тот, кто рубит сам дорогу

Не кузнец, не плотник ты,

Да все одно — поэт.

Тот, кто любит, да не к сроку,

Тот, кто исповедует, да сам того не ведает.

Но я — в ударе. Жмут ладони,

Все хлопочут бедные, да где ж им

Удержать зерно в горстях.

На гитаре, на гармонии,

На полене сучьем, на своих кошках.

Злом да ласкою, да трехами

Растяни меня ты, растяни, как буйные

меха!

Пропадаю с потрохами,

А куда мне, к лешему, потроха...

Но завтра — утро. Все сначала.

Заплетать на тонких пальцах недотрогу нить

Чтоб кому-то, кому-то полегало...

Да разреши, пожалуй,

я сумел бы все на пальцах объяснить.

Тем, кто мукой — да не мукою

Все приметыв засыпает, засыпает на ходу.

Слезь с луком.

Ведь подать рукою,

И погладишь в небо свою заново

рожденную звезду.

Ту, что рядом, ту что выше,

Чем на колокольные звонки звон...

Да где он? — Всё темно.

Ясным взглядом,

Ближе, ближе...

Глянь в окно — да вот оно рассыпано,

твое зерно.

Выше окон, выше крыши.

Ну, чего ты ждешь? Иди смелый, бери еще,

еще

Что, высоко? Ближе, ближе.

Ну вот уже тепло. Ты чувствуешь,

как горячо?

Вот оно — ты чувствуешь, как горячо.

Материал подготовили Кирилл Мозгов,

Анна Лепехина